

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Региональный этап

10 класс

Два варианта на выбор региона

1 вариант. Комплексный анализ прозаического произведения

П.И. Мельников-Печерский

На станции

Надвигалась грозовая туча; изредка сверкала молния, порой раскатывался гром в поднебесье... Стал накрапывать дождик, когда приехал я на Рекшинскую станцию.

Станционный дом сгорел, на постройку нового третий год составляется смета: пришлось укрываться от грозы в первой избе.

Крестьяне в поле, на работе. В избе восьмилетняя девчонка качает люльку, да седой старик шлею чинит.

– Бог на помочь, дедушка!

– Спасибо, кормилец!

– Что работаешь?

– Да вот шлею чиню. Микешка, мошенник, намедни с исправником ездил, да пёс его знает, в кабаке ли в Еремине заехал, в городе ль у него на станции озорник какой шлею изрезал... Что станешь делать!.. На смех, известно, что на смех. Видят, парень хмельной, ну и потешаются, супостаты... Шибко стал зашибать Микешка-то, больно шибко. Беда с ним да и полно.

– Что он тебе?.. Сын али внук?

– Какой сын! В работниках живет.

– Зачем же ты пьяницу в работниках держишь?

– А как же его не держать-то?.. Его дело сиротское – сгнуть может человек... А у меня в дому все-таки под грозой. У него же мать старуха, вон там на задах в кельенке живёт. Ей-то как же будет, коль его прогоню?.. Она, сердечная, только сыном и дышит.

Пережидая грозу, долго толковал я с Максимычем – так звали старика. Зашла речь про исправника. Максимыч его расхваливал.

– Исправник у нас барин хороший, самый подходящий, – говорил он. – Не то чтобы драться, как покойник Пётр Алексеич, – Царство ему Небесное! – словом никого не обидит. Славный барин – дай Бог ему здоровья, – все творит по закону. А покойник Пётр Алексеич – лютой был, такой лютой, что не приведи Господи. Зверь, одно слово, зверь. А нынешний, Алексей-от Петрович, барин тихий,

богобоязненный: вот третий год доходит – волосом никого не тронул. А сам весь в кавалериях, а на правой рученьке двух перстиков нет: на войне, слышь, отсекли.

Вот уж третий год сидит он у нас в исправниках и всё по закону поступает. Уложенна книга завсегда при нём. Чуть какую провинность за мужиком приметит, тотчас ему ту провинность в Уложенной сыщёт и даст вычитать самому, а коли мужик неграмотный, пошлет за грамотеем, не то за дьячком, аль за дьяконом, аль и за попом... Велит статью вслух прочитать, растолкует её, да что по статье следует, то и сделает, а каждый раз маленько помилует. Ведь во всякой статье и большой есть взыск и маленький: так Алексей Петрович, дай Бог ему здоровья, все маленький кладёт... И всегда судит на людях, сотские каждый раз всю деревню собьют, чтобы все видели, чтоб все слышали, как он суд и расправу даёт. «Терпеть, говорит, не могу творить суд втайне, пушай, говорит, весь мир знает, что я сужу по правде, по закону, по совести...» И точно... Всегда взыск делает, как в Уложенной книге батюшка царь написал... И завсегда маленько посбавит взыску-то... Отец родной, не барин... Все им довольны остаются. Бога благодарят за такого исправника.

Спервоначалу, как наехал, мужички, как водится, сложились было всей вотчиной: хлеб-соль ему поднесли и почесть. Хлеб-соль принял: «От хлеба от соли, говорит, грех отказываться, и потому я, по Божьему велению, его принимаю, а взятки и посулов брать не могу, а потому и вашего мне не надо. Не такой, говорит, я человек, служил, говорит, Богу и великому государю верой и правдой, на войне кровь проливал и не один раз жизнь терял. Стало быть, взятками мне заниматься нельзя, мундира марать я не должен. А закон, говорит, буду над вами наблюдать строго: у меня, говорит, чтобы всё как по струнке ходило. Наперёд приказываю, чтобы в каждом доме весь закон исполнялся. Не то, говорит, держите ухо востро. Наперёд говорю: строго взыщу, как по закону следует, взыщу. Мне, говорит, что? Притеснять мужика и от Бога грех, и по своей душе не могу, потому что век свой в военной службе служил. А что закон предписывает, содержать буду крепко и супротив закона ни единому человеку поноровки не дам».

На такие речи осмелились мужички спросить Алексея Петровича: про какие же это законы изволит он речь вести. «Про все, бае, законы говорю, сколько их ни на есть, чтобы все исполнялись до единого».

Мужички опять осмелились доложить:

– Мы-де, ваше высокоблагородие, законов не разумеем. Люди мы не мятые, грамоте не знаем, законов не читали, и в остроге мало которые из нашей вотчины сидели... Там, слышь, законам-то старые тюремные сидельцы всех обучают...

На это слово молвил Алексей Петрович:

– Милые вы мои мужички! Есть в нашем Российском государстве такой закон, что неведением законов отрицаться не можно: стало-быть, вы, ничего ещё не видя, передо мной супротивность закону сделали, коли говорите, что закон вам неизвестен... На первый раз прощаю... Суди меня Бог да великий государь – беру грех на душу; а вперёд держите ухо востро. Да помните у меня: ежели кто осмелится ко мне со взятками подойти аль с почестью, так я распоряжусь по-военному: до полусмерти заporю. Слышите ли?

Замялись мужички. Обидно, знаешь, стало: перво дело – почестью побрезговал, а они сто целковеньких со всяким было усердием; другое дело, больно уже тёмные речи загибает. Сразу-то разумных его речей и вдомёк взять не могли.

Шлёт он по малом времени наперёд себя рассыльных... Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф!.. – торопливо крестясь, прервал речь свою Максим, когда яркая молния чуть не ослепила нас, и в ту ж минуту с треском и будто с пушечными выстрелами загрохотал гром над нашими головами.

– Ай, Господи, батюшка! В поле-то кого не зашибло ли, – скорбно проговорил Максимыч, немножко оправившись... И, мало помолчав, вполголоса продолжал речь свою про исправника.

– Шлёт Алексей Петрович по всем волостям, по всем вотчинам повестить, новый, дескать, исправник едет, в каждом бы дому по закону всё было. А что такое по закону – ни бумагой, ни речью того не приказывает. Приезжает к нам в деревню Рекшино... Дело-то было зимой, перед масленицей; чуть ли в самую широку субботу¹.

Во всяком дому побывал, на что келейны ряды, и те исходил, ни единой кельенки не проминовал. А у самого в руках Уложенная.

К первому зашёл к Захару Дмитричу: изба-то у него с краю. Вошёл, как следует, только в шапке, и, снявши её, на стол положил. По-нашему, по-крестьянскому, это бы грешно, а по-вашему, по-господски то есть, может, так и надо. У Захара дедушка слепенький есть – лет девяносто с лишком старичку. Сидел он той порой на кути. И с ним поговорил Алексей Петрович, про стары годы расспросил и про то, уважают ли его внучата, доволен ли ими. С хозяйкой поговорил, за досужество в избе похвалил и всё нашёл по закону, в порядке. Да, выходя из избы стал на голбец² и заглянул на печку.

– Зачем, говорит Захару, рогожка-то на печи?

– А вот, батюшка, ваше высокоблагородие Алексей Петрович, слепенький-от дедушка-то спит на эвтом самом месте. Ему рогожка-то и подостлана.

– Ну – говорит Алексей Петрович, – это дело не ладно, этого закон не позволяет.

– Да ведь, батюшка, ваше высокоблагородие, – проговорил Захар, – на печи-то горячо живёт, без рогожки-то старец спину сожжёт... Без рогожки никак невозможно.

– Пушай, говорит, дедушка на полатях спит, а рогожу на печи держать закон не дозволяет.

– Да ему, батюшка, ваше высокоблагородие, на полати-то и не взлезть. И на печку-то с грехом лазит. Намедни упал, сердечный, да таково расшибся, что думали, решится совсем, за попом даже бегали. Дело-то его ведь больно старое.

– На полати не взлезет, так на лавке вели ему спать, а рогожи на печи не держи: закон запрещает.

¹ Суббота перед масленицей. Самые большие базары по сёлам (*примечание П.И.Мельникова-Печерского*).

² Деревянный пристенок у печи.

– Как же это возможно, ваше высокоблагородие, – сказал Захар. – Где ж это видано? Где ж слепому старцу и быть, как не на печи? Дело его старое: на лавке холодно. Да и нельзя, батюшка Алексей Петрович. По-нашему, по-крестьянскому – старшему в семье на печи место. Как же сам-от я с женой на печи развалюсь, а дедушку на лавку положу? Такое дело сделать: и в здешнем свете от людей покор, и на Страшном Суде Христос ответа потребует.

– А когда так, – говорит Алексей Петрович, – так постели дедушке на печь тюфяк, да только чтоб не сеном был набит, не соломой, не мочалой, потому что всё это запрещено. Набей его конской гривой либо пухом.

– С нашими ли недостатками, батюшка, ваше высокоблагородие, такие тюфяки заводить?.. Чем пуховый тюфяк справлять, лучше на те деньги другу лошадёнку купить.

– Как знаешь, – говорит Алексей Петрович, – я ведь тебя не неволю. Только смотри у меня, вперёд берегись. Теперь я с тебя по закону невеликое взыскание возьму, а ежели вдругорядь на печи рогожу найду, взыскание будет большое. Помни это. Было ведь, кажется, вам всем приказано, чтобы все готовы были, что законы я буду содержать крепко. Рассыльного нарочно присылал... А вам всё нипочем! Не пеняйте же теперь на меня... Грамоте знаешь?

– Господь умудрил, – говорит Захар.

Алексей Петрович ему Уложенную в руки.

– Читай вот в этом месте, – говорит. – Читай вслух.

Вычитывает Захар: «Кто порох да серу, селитру да солону али рогожу на печи держать будет, с того денежное взыскание от одного до ста рублей».

Взвыл Захарушка, увидавши такой закон. Сам видит, что надо будет разориться. Всё заведение продать и с избой вместе, так разве-разве сотню целковых выручишь. Вот-те и рогожка!

Повалился в ноги Алексею Петровичу, хозяйка тоже, ребяташки заголосили, а дедушка хотел было поклониться, да сослепа лбом на ведро стукнулся, до крови расшибся. Лежит да охает.

– Помилосердствуйте, батюшка, ваше высокоблагородие, – голосит Захар, – ведь это выходит, что мне за рогожку надо всем домом решиться... Будьте милостивы!.. Мы про такой закон, видит Бог, и не слышали... От простоты... Ей-богу, от одной простоты, ваше высокоблагородие.

Алексей Петрович на то кротко да таково любовно промолвил:

– Неведением закона, братец ты мой, отрицаться не повелено. На это тоже закон есть.

– Да где ж я, – вопит Захар, – сто целковых-то возьму? Люди мы несправные, всего третий год, как с братьевьями разделились.

Так ведь вот какой добрый барин-от, дай Бог ему доброе здоровье!

Другой бы не помилосердствовал, сказал бы: «Вынь да положи сто целковых», и говорить бы много не стал; а он только десятью целковыми удовольствовался... Добрая душа, правду надо говорить!

Пошел Алексей Петрович от Захара к Игнатию Зиновьеву. Изба-то рядом. Ну там всё этак же. Обошёлся чинно, ласково, безобидно... Свят, свят, свят, Господь Саваоф, исполни небо и земля величества славы Твоя!..

Опять ярко-синяя молния, опять страшный громовой удар. Старик со страхом крестился, ребёнок визжал, девчонка со страху под лавку запряталась.

Оправившись, Максимыч так продолжал речь свою:

– А хоша у Игнатя тоже рогожка на печи была, да, услыхавши про беду у соседа, на двор её выкинул. Алексей Петрович противного у него не приметил, да, выйдя из избы, полез на чердак.

– А где, говорит, у тебя кадка с водой, где, говорит, швабра?

– Какая кадка, батюшка, ваше высокоблагородие? – спрашивает Игнатий.

– А ради пожарного случая, говорит, которую велено ставить. Где она?

Игнатий ему:

– Мне, батюшка, ваше высокоблагородие, по разводу, на пожар с ухватом ходить. И на доске, что у ворот прибита, ухват намалёван. Про кадку да про швабру впервой слышу.

– Как впервой? Да ведь у тебя должна же быть кадка с водой на чердаке?

– А на что ж она потребуется, осмелюсь спросить вас, батюшка Алексей Петрович? Дело теперь зимнее: вода в кадке замёрзнет, какая ж от неё польза будет? А шваброй-то что тут делать, когда Божьим гневом грех случится? Теперь на крыше снегу-то на аршин. Да и летом, коли за грехи несчастный случай доведётся, не со шваброй мне на крыше сидеть, а скорее бежать на пожар с ухватом. И на доске намалёвано, что с ухватом. А ежель по соседству загорится, так уж тут, батюшка, ваше высокоблагородие, не до швабры, не до ухвата: тут скорей за своё добришко хватишься, чтоб на задворицу его для бережья повытаскать.

– Да ты много-то, милый мой, не растабарывай, – говорит Игнатию Алексей Петрович. – Не я выдумал, чтоб кадка да швабра у тебя на чердаке была. Царское повеление, законом предписано. На-ка, вот, читай.

– Да я, батюшка, слепой человек: грамоте не обучен.

Велел грамотника призвать. Тот же сердечный Захар пришёл. Подал ему спервоначалу Алексей Петрович двенадцатый том... Так, кажись, закон-от прозывается.

– Читай, говорит, вслух.

Вычитывает Захар, что у всякого крестьянина на чердаке надо быть кадке с водой и швабре.

– Фу, ты, прорва какая! А мы и не ведали.

После того Алексей Петрович Захару Уложенну в руки. Показывает статью.

– Читай, говорит, да погромче, чтобы все слышали.

Вычитывает Захар:

«Коли у хозяев домов нет в готовности на случай пожара сосудов с водой, с того брать по закону от пятидесяти копеек до пяти рублей».

У всех руки так и опустились, для того, что ни у кого на чердаках ни кадок с водой, ни швабры и даже никакой посуды, про какую Захар вычитал, с роду не бывало... Ко всякому мужику Алексей Петрович потрудился на чердак слазить. Все перед законом остались виноваты.

Что ж ты думаешь, кормилец? Ведь добрый-от какой! Закон уж велит пять целковых за ту провинность взять, а он, дай Бог ему доброго здоровья, только по

зелененькой со двора справил... Такой барин, такой добрый, что весь свет выходи – другого не найдёшь. Дай Господи ему многолетнего здоровья и души спасения!.. Хороший, хороший человек...

– Лошади готовы, – сказал вошедший мужик. – За смазочку бы старосте надо...

– Прощай, дедушка!..

– Прости, родной, прости!.. Дай Бог тебе благополучно!

– Так хорош у вас Алексей Петрович? – спросил я его ещё раз по выходе.

– Расхороший-хороший, – отвечал Максимыч, – такой хороший, что не надо лучше.

Гроза промчалась... Свежо, благовонно... Стрелой летели добрые кони вдоль по уезду, что так благоденствовал под отеческим управленьем доброго Алексея Петровича.

2 вариант. Комплексный анализ стихотворного произведения

А.С. Пушкин

Полководец

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистью свободной и широкой
Её разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жён,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Ещё так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...

Но в сей толпе суровой
Один меня влечёт всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжёлой.
Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.
О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,

В молчанье шёл один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплён могущим убежденьем,
Ты был непоколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Свинца весёлый свист заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

.

.

О люди! жалкий род, достойный слёз и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведёт в восторг и в умиленьи!